

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИТВЫ И БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Материалы международного научного семинара, Минск, 18 апреля 2011 г.

Проблемное поле международного проекта «Особенности национальной идентичности Литвы и Беларуси в контексте европейской интеграции: сходства и различия»

Виктор Шадурский

События набирающего темп XXI в. со всей очевидностью подтверждают, что тема национальной идентичности не теряет своей актуальности. В глобализирующемся быстрыми темпами мире национальное самосознание, национальная идентичность населения остаются важнейшим фактором государственного развития и международных отношений. Как в научных исследованиях, так и в повседневной практике вряд ли уже требуется доказывать тезис, что чем выше уровень национального самосознания народа, чем выше чувство национального единства, тем сильнее мотивация общества к политической консолидации и экономическим реформам. Общество с высоким уровнем национальной идентичности в большей степени готово «жертвовать» сиюминутными личными благами для реализации долгосрочных общенациональных, общегосударственных интересов.

Проблема национальной идентичности представляет особую актуальность для Беларуси, история государственной независимости которой не превышает двух десятилетий. Для более всесторонней и объективной оценки эволюции национальных характеристик белорусов необходимо сравнение белорусского опыта государственного и национального строительства с аналогичным опытом других, прежде всего соседних народов.

Именно на проведение сравнительного анализа развития национальной идентичности Беларуси и Литвы направлен совместный научный проект исследователей Белорусского государственного университета и Университета имени Витовта Великого (Каунас, Литва). Итогом проекта станет издание коллективной монографии на английском языке.

На наш взгляд, проблематика сравнительного исследования развития двух соседних народов, которые имеют многовековые тесные исторические, экономические и культурные связи, представляет большой научный и практический интерес.

Соседние государства и народы имели и имеют в своем развитии общие и специфические черты. Так, оба народа на протяжении столетий находились в составе одних и тех же многонациональных государств (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская Империя, СССР), в начале 1990-х гг. обрели независимость. Во многих исследованиях подчеркивается, что оба народа не только имеют продолжительную общую историю, но и близки в антропологическом и генетическом плане. Вместе с тем, в национальном развитии следует отметить ряд существенных различий. Распространено мнение, что литовская нация является более консолидированной, обладает по сравнению с белорусами более развитым национальным самосознанием, активно использует национальный язык и т. д.

В чем заключаются объективные и субъективные причины сложившейся ситуации?

Обозначим лишь краткий ответ на поставленный выше вопрос.

1. Языковой фактор. Литовский язык (вместе с латышским и ушедшими в историю древнепрусским и ятвяжским языками) относится к балтийской группе индоевропейской языковой семьи и очень сильно отличается от языков соседей. Некоторые факты указывают на то, что уже с X в. до н. э. балтийская языковая группа существовала обособленно от других индоевропейских языков. Фактор «непохожести» способствует сохранению и развитию языка.

Авторы:

Виктор Шадурский — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Александр Тихомиров — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Маргарита Фабрикант — преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Регина Ясюлявичене — профессор факультета дипломатии и политических наук Каунасского университета имени Витовта Великого

Линас Венцлаускас — доцент факультета дипломатии и политических наук Каунасского университета имени Витовта Великого

Сима Ракутене — докторант факультета дипломатии и политических наук Каунасского университета имени Витовта Великого

Белорусский язык относится к восточнославянской группе. Белорусы исконно проживают в тесном соседстве с другими близкими по языку и культуре славянскими народами, не только имеющими значительно большую численность населения, но и на протяжении длительного периода занимавшими привилегированное положение в многонациональных государствах региона. Перечисленные обстоятельства создавали препятствия для формирования белорусского стандартного (литературного) языка, усиливали языковую ассимиляцию, способствовали использованию смешанных языков («трасянка»).

2. Религиозный фактор. Исторически сложилось, что по Беларуси проходит граница между двумя крупными ветвями христианства — католицизмом и православием. Православная религия исторически доминирует среди белорусов. Подчиненность Белорусской православной церкви Московскому патриархату способствует сохранению религиозной и культурной связи с Россией. В Литве традиционно доминирует католическая церковь, которая в период Российской Империи и СССР способствовала национальной консолидации.

3. Различия в истории государственности. Все меньше споров с обеих сторон вызывает тезис о том, что ВКЛ является общим наследием как литовцев, так и белорусов. Утверждение о преимущественных правах той или другой нации на крупное средневековое государство не является конструктивным. Однако консенсус среди ученых обеих стран по высказанному выше тезису до настоящего времени не достигнут. Одновременно следует подчеркнуть, что признание общего наследия ни в коем случае не означает отказ от исследований, направленных на установление этнической и языковой принадлежности и происхождения видных деятелей Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Оценка участия представителей белорусского и литовского народов в политических, экономических и культурных достижениях региона по-прежнему актуальна для исследователей двух стран.

В условиях Российской Империи положение белорусского и литовского народов мало чем различалось. Элита, как правило, принимала язык господствующих этносов. Носителем национального языка, «разрыхленного» широким набором диалектов, хранителем национальных традиций в обоих случаях оставалось малообразованное крестьянство.

В XIX в., открывшем эпоху пробуждения наций, развитие национального самосознания у литовцев происходило быстрее, нежели у соседнего народа. Позитивную роль в этом процессе сыграл Виленский университет. На территории Литвы была учреждена средняя школа, открыты частные школы. Однако в результате восстания 1831 г. был закрыт Виленский университет, ликвидирована средняя школа, а в отношении католической церкви, важного национального института как для поляков, так и для литовцев, были предприняты суровые меры репрессивного характера.

После восстания 1863 г. литовское национальное пробуждение могло осуществляться исключительно за пределами Российской Империи. В этой связи следует отметить большое значение для национального строительства литовской общины, проживающей в Восточной Пруссии (Малая Литва). Находясь в условиях большей свободы, нежели подавляющая часть литовцев Российской Империи, ее представители имели возможность публиковать книги, развивать начальное образование на национальном языке. Уже в конце XVIII в. на территории Восточной Пруссии (современная Калининградская область) лютеранским пастором Кристиянасом Донелайтисом было написано первое художественное произведение на литовском языке «Времена года» («*Metai*»). Впервые оно было опубликовано лишь после смерти поэта в Кенигсберге (1818).

Во второй половине XIX в. за пределами Российской Империи издавалось несколько весьма влиятельных журналов, таких, например, как «*Auszra*». Значительную роль в национальном возрождении сыграли также литовские эмигранты в Америке.

Главной «исторической удачей» Литвы по сравнению с Беларусью можно считать существование независимого национального государства в период между мировыми войнами. Два десятилетия были успешно использованы литовской нацией для построения реальной государственности, со своими символами, традициями, национальной идеей. Эти годы стали определяющими для развития Литвы в составе СССР и в постсоветскую эпоху.

Беларусь, в 1920-х гг. получив статус союзной республики в составе СССР, обладала лишь некоторыми формальными атрибутами государственности. Белорусский язык, национальная по содержанию культура не получали необходимой государственной поддержки.

4. Особенности внутренней и внешней политики на современном этапе. Перечисленные выше причины в значительной степени определили разновекторность внутренней и внешней политики Беларуси и Литвы после обретения независимости в 1991 г. Литва взяла курс на интеграцию с ЕС и НАТО. Беларусь, в свою очередь, приняла активное участие в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, лидером в которых оставалась Россия. Существенные различия наблюдались и в созданных двумя странами социально-экономических моделях.

Несмотря на общее и специфическое в национальном развитии белорусов и литовцев, в наступившем столетии оба народа оказались перед новыми серьезными вызовами, в том числе интенсивной эмиграцией и усилением соперничества в культурной сфере.

Миграционные процессы. Социально-экономические проблемы стимулировали многих молодых людей уезжать из Беларуси и Литвы в поисках более благополучной жизни. Так, согласно последней переписи (март 2011 г.), за десять лет население Литвы сократилось на полмиллиона жите-

лей. В Беларуси проходят аналогичные процессы. Согласно социологическим исследованиям, желание многих молодых литовцев и белорусов найти работу за рубежом не уменьшается.

Унификация и стандартизация культуры. В процессе глобализации отчетливо проявляется унификация и стандартизация во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Это приемлемо для экономики, промышленного производства, но не для культуры. В условиях глобализации исчезают многие уникальные для каждой страны элементы культуры. Особенно актуальна эта проблема для небольших по численности населения стран, не обладающих большим экономическим потенциалом.

Таким образом, национально-государственное строительство двух стран сталкивается с целым рядом серьезных проблем, решение которых пытаются предложить авторы совместного белорусско-литовского проекта.

Теоретические и методологические подходы исследования

Регина Ясюлявичене, Маргарита Фабрикант

Теоретические подходы

Довольно неоднозначно употребляемым термином «идентичность» по сути выражается то, что, несмотря на перемены и изменения, индивиды и социальные группы сохраняют свои основные черты, особенности и качества. Термин «идентичность» стал широко употребляться в академической лексике в XX в. В последние десятилетия XX в. понятие «идентичность» стало одной из ведущих категорий социальных наук. Сам феномен идентичности считается основным фактором, определяющим и отличающим современные общества (*Dziubka, K. Idee i ideologie we współczesnym świecie. Wielkie tematy / K. Dziubka, B. Szlachta, L. M. Nijakowski. — Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN SA, 2008. — P. 286–289*). Этим можно объяснить постоянно растущий исследовательский интерес к проблемам формирования и значению идентичности.

В социальных науках выделяются два традиционных направления изучения идентичности: психодинамический подход, берущий свое начало в трудах З. Фрейда, который подчеркивает внутреннюю психическую структуру и динамику идентичности, и социологическая традиция исследований идентичности в рамках которой ключевым теоретическим подходом является символический интеракционизм (*The Blackwell dictionary of twentieth century social thought / W. Othwaite, T. Bottmore (eds.). — Blackwell, 1995. — P. 270–272*).

В рамках этих традиций развиваются разные теоретические подходы в исследованиях идентичности. Выделяются два вида идентичности: индивидуальная идентичность, когда индивид воспринимает себя как что-то особенное, отличающееся от других, и в то же время отождествляет себя с какой-то социальной группой, и групповая идентичность — национальная, культурная, политическая, религиозная, которая позволяет конструировать принадлежность к определенной группе и определять ее уникальность на фоне других групп. Сама идентичность рассматривается с точки зрения либо социального конструктивизма — как результат социального выбора на основании социальных конвенций, либо эссенциализма — как биологически и культурно предопределенная данность.

Обобщая, можно выделить две основные теории: так называемая теория идентичности концентрируется на исследования личной идентичности и ролевого поведения, а теория социальной идентичности ориентируется на групповые процессы и групповые отношения (*State, J. Identity theory and social identity theory / J. State, P. J. Burke // Social psychology quarterly. — 2000. — Vol. 63, N 3. — P. 224–237*).

По мнению исследователей, обе эти теории переплетаются, потому что личная идентичность играет основную роль в определении себя как члена той или иной группы, окружающая среда может воздействовать на усиление или ослабление и личной, и групповой идентичности, а концепт значимости идентичности (*identity salience*) может быть использован в обеих теориях.

Данное сравнительное исследование исторической и современной идентичности и влияния фактора европейской интеграции на ее развитие будет обосновано обеими теориями.

Основные методологические инструменты исследования

Ключевым вопросом при подборе методологического инструментария для кросс-культурных исследований идентичности является общая для всей современной социогуманитаристики проблема соотношения количественных и качественных методов. Во-первых, изучение именно национальной идентичности, а не идентичности нации как приписываемого конструкта второго порядка предполагает невозможность ограничиться обращением к публичному дискурсу (см.: *Billig, M. Banal Nationalism / M. Billig. — London: Sage Publications, 1995*), но с необходимостью требует непосредственного обращения к отдельным носителям идентичности. Это создает проблему соотношения номотетики и идеографии: каким образом воссоздать на основании индивидуальных идентичностей макро-социальные паттерны и в то же время выявить социокультурный контекст в индивидуальных мани-

фестациях идентичности, а не рассматривать эти два уровня в отрыве друг от друга? Вторая проблема, связанная со сравнительным кросс-культурным форматом исследования, обнаруживает себя в соотношении имики и итики. Выявление уникальных особенностей культуры, не имеющих аналогов в других этнонациональных культурах, может привести к несопоставимости полученных результатов, а односторонняя концентрация на общих критериях сходства и различия — к поверхностности и минимальной новизне выводов (см.: Янчук, В. А. *Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетический подход* / В. А. Янчук. — Минск: Бестпринт, 2000).

Для решения первой проблемы наиболее адекватным выходом является триангуляция количественных и качественных методов. На этапе сбора эмпирических данных это означает включение в анкету как закрытых, так и открытых вопросов — в зависимости от постановки исследовательской задачи. Отвечая на закрытые вопросы, респонденты получают возможность позиционировать себя в понятийном поле существующих альтернативных подходов. Открытые вопросы особенно значимы в изучении тех феноменов, относительно которых, во-первых, отсутствует ограниченный набор четко дифференцированных позиций (альтернативой может быть как нечеткое многообразие взглядов, так и доминирование какого-либо одного подхода), во-вторых, наблюдается информационный дефицит на уровне простой феноменологии, когда неизвестно само содержание существующих альтернатив (см.: Brubaker, R. *Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe* / R. Brubaker. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996).

Сбор данных качественной составляющей исследования при сравнительном кросс-культурном формате, в отличие от углубленного изучения одной отдельно взятой культуры, должен иметь вид не свободных неструктурированных нарративов, а полуструктурированных вопросов, что позволяет изначально задать некоторые итические параметры для координации итического содержания.

При обработке качественных данных также возможны различные варианты. Любые качественные данные при помощи соответствующей кодировки всегда можно квантифицировать (но не наоборот), поэтому одним из возможных вариантов обработки данных является контент-анализ, особенно учитывая большой объем предполагаемого текстового массива. Однако нарративный анализ, позволяющий изучить не только эксплицитное содержание, но и имплицитные интерпретации, проявляющиеся в виде формально-структурной организации текста, предоставляет дополнительные возможности для изучения национальной идентичности, реализованные лишь в малой степени.

Таким образом, сравнительное кросс-культурное исследование национальных идентичностей может осуществляться на трех уровнях — количественном, смешанном (качественный сбор данных и количественная интерпретация) и качественном, сочетание которых позволит воссоздать многомерную и нередуцированную конструкцию национальной идентичности.

Исследование национальной идентичности: теоретико-методологические основания и перспективные направления

Маргарита Фабрикант

Национальная идентичность — многозначное понятие. Прежде всего, следует различать национальную идентичность отдельной личности как социально-психологический феномен, идентичность нации как социальной группы, отличающую ее от других социальных групп, и множество идентичностей как специфику конкретных наций, отличающую каждую из них от всех остальных.

Рефлексия о национальной идентичности начала проследиваться относительно недавно — в XVIII в., что закономерно обусловлено, с одной стороны, рационалистическим стремлением просвещения к построению универсальных классификаций наблюдаемых различий в разных сферах, включая межкультурную, а с другой — акцентом на оппозиции варварства и цивилизации, что закономерно интенсифицировало межкультурное сравнение. Со времени своего возникновения до настоящего момента академический дискурс о национальности несколько раз претерпевал существенные изменения, причем в плане не только содержания интерпретаций, но и способа постановки вопросов и дисциплинарного фокуса, что было обусловлено как логикой развития данной области и представленными в ней наукам, так и культурно-историческим контекстом. Хотя периодизация истории наций и национализма до относительно недавнего времени составляла одну из наиболее часто затрагиваемых тем данного направления, попыток исторической периодизации самого направления с дифференциацией основных этапов его развития до сих пор не предпринималось.

Наша собственная периодизация включает в себя следующие этапы:

- 1) XVIII—XIX вв. — классический период: метафизическое осмысление современного национализма, сопровождавшее становление первых национальных государств современного типа;
- 2) 1900—1940-е гг. — промежуточный период: объективистски ориентированные культурно-антропологические исследования временно отодвигают на второй план изучение национальной идентичности;

3) 1940–1960 гг. — дотеоретический период: интенсивное обсуждение феномена национальности, кристаллизация ключевых вопросов без выдвижения конкретных позиций;

4) 1970–1990-е гг. — теоретический период: создание большого числа альтернативных теорий, претендующих на всеобъемлющее объяснение феномена национальности;

5) с конца 1990-х гг. по настоящее время — эмпирический период: основная роль принадлежит эмпирическим исследованиям, фокусирующимся на отдельных сторонах рассматриваемой проблемы, с акцентом на социально-психологических особенностях национальной идентичности на индивидуальном уровне.

Исходным моментом в проблематизации явлений, связанных с национальностью, стало выдвижение альтернативных версий объяснения межнациональных различий тремя значимыми представителями философии Просвещения. Хотя сам факт существования человечества в форме отдельных культур привлекал внимание исследователей со времен Геродота, вплоть до XVIII в. рассмотрение данного явления ограничивалось его простой констатацией, а основное внимание уделялось накоплению информации о конкретных культурных особенностях. И. Гердер, Д. Юм, Ш. Монтескье совершили качественный рефлексивный скачок, задавшись вопросом о генезисе различных национальных культур. Общей чертой во взглядах этих авторов был свойственный Просвещению рационализм, выразившийся в стремлении к выработке экономной и логически непротиворечивой механистической модели. Различия же заключались в противоположных позициях по вопросам, во-первых, о природе социальной реальности, во-вторых, об историческом значении национальности.

В XIX в. Великая французская революция применительно к истории изучения национальности оказалась важна не только как воплощение одного из теоретических подходов, но и как мотивирующий фактор для разработки альтернативных интерпретаций. На данном этапе уже прослеживаются обращения как непосредственно к исследуемой реальности, так и к уже имеющимся наработкам оппонентов, что свидетельствует об установлении академической традиции. Эти альтернативные интерпретации исходили из Великобритании и Германии, и различия в них во многом объясняются тем, что позиция основателя Кембриджской исторической школы Д. Актона была реакцией на внутрисполитические события французской Первой Республики, в то время как построения немецких романтиков вдохновляли борьбу немецких государственных образований того периода против Наполеона.

Противостояние между французскими и немецкими теоретиками национализма продолжалось и во второй половине XIX в. Оформление альтернативных концепций национальности связано с именами Ф. Майнеке и Э. Ренана. Представитель прусской исторической школы Ф. Майнеке поставил перед собой задачу легитимации объединения Германии по плану О. фон Бисмарка. Для этого требовалось доказать, что новое государственное образование будет не разрушением устоев, а правовым оформлением уже сложившегося положения вещей, иными словами, что нация может возникнуть и некоторое время существовать до появления соответствующего национального государства. В отличие от других идеологов немецкого национального единства XIX в., Ф. Майнеке не был противником французского эталона нациестроительства, но применил по отношению к нему ранее не принимавшуюся в расчет возможность объединения различных подходов к национальной идентичности в рамках первой и прототипической для многочисленных последователей классификации национализма. Для обобщения французской и немецкой моделей национальности Ф. Майнеке ввел два труднопереводимых на русский язык понятия — *Staatsnation* (нация, для которой ядром национальной идентичности является наличие единого государства) и *Kulturnation* (нация, для которой основой национальной идентичности составляет общность культуры). Важно отметить, что Ф. Майнеке не только не утверждал превосходство одного из типов национализма над другим (в отличие от авторов современных классификаций), но и не считал границу между этими двумя типами непреодолимой: для него различие заключалось не в содержании и не в конечной цели, но в исторической последовательности ее достижения. Э. Ренан в своем знаменитом сорбоннском докладе «Что такое нация?» последовательно рассматривает и опровергает все ранее созданные представления о том, что составляет национальную идентичность, посредством ссылки на исторические примеры. По его мнению, ни общее происхождение, ни единство территории, ни общность языка и культуры не являются тем необходимым и достаточным критерием, которому соответствовали бы все существующие нации. Следует обратить внимание на факт, уходивший от внимания многих историков национализма, начиная с Х. Кона, а именно — нетождественность концепции Э. Ренана модели гражданского национализма от Ж.-Ж. Руссо до Ю. Хабермаса. Идея, объединяющая нацию по Э. Ренану, — это не национальная идея реализации нового политического принципа, ее содержание сводится к образованию и поддержанию общности ради самой себя и не в результате однократного общественного договора, но в ходе столь же гипотетического «каждодневного плебисцита». Следовательно, в истории исследований национальной идентичности Э. Ренан является не продолжателем идеологии Великой французской революции, но основателем социально-конструктивистского направления, которое в настоящее время является доминирующим в исследованиях национальности.

В современном академическом дискурсе существует три основных подхода к национальной идентичности: примордиализм, инструментализм и социальный конструктивизм. Примордиалисты (С. Гросби, П. ван дер Берге, У. Коннер) трактуют нацию как естественный и универсальный феномен, сохраняющийся в относительно неизменном виде с доисторического прошлого. Инструмен-

таллисты (П. Чаттерджи, Х. Баба, С. Уолби) интерпретируют нации как целенаправленно созданные правящими элитами. Социальные конструктивисты (Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон) предлагают рассматривать нацию как одну из взаимно обусловленных составляющих социокультурной констелляции эпохи модерна. Данная позиция модернизма — название, которым сами референты стали оперировать лишь относительно недавно, — относится к основной идее, ознаменовавшей начало теоретического этапа, — утверждения, что нации не существуют испокон веков, но возникают в определенный исторический период, причем относительно недавний — Новое время. Вопрос о том, какие именно особенности Нового времени, в терминологии историков, или, как его принято называть в социологии и социальной философии, модерни, сыграли ключевую роль в возникновении наций, стал отправной точкой теоретизирования. Однако круг проблем, которые удалось обозначить и в той или иной степени решить теоретикам национальности, не ограничивается вопросом о времени возникновения наций как нового исторического явления, но, прежде всего, затрагивает саму их природу и взаимосвязь с другими сопоставимыми феноменами. Последнее обстоятельство указывает на происхождение первых оригинальных разработок теоретического этапа — экстраполяцию на предметную область национальности позиции, которая получила в социальных науках после Второй мировой войны почти аксиоматический статус, — укорененной в антирасизме идее принципиально неприродного, неэссенциального, индетерминистского характера социокультурных феноменов. В исследованиях национальности это означало смену представления о соотношении наций и национализма на прямо противоположное. Если прежде не подвергалось сомнению, что национализм интерпретирует реалии национального бытия, то с начала теоретического периода утверждается прямо противоположная идея о том, что национализм создает, конструирует нации, задействуя реалии иного, более фундаментального свойства. В рамках модернистского теоретизирования, несмотря на различия в подходах, была выработана общая периодизация истории наций и национализма, включающая в себя следующие этапы:

- 1) 1789 г. — Великая французская революция как начальное событие, тождественное появлению на исторической арене феномена национальности в современном понимании;
- 2) первая половина XIX в. — распространение идеологии национализма в Западной Европе и у стремящихся к национальному освобождению народов Центральной и Восточной Европы в тесной связи с другими программами модернизации;
- 3) вторая половина XIX в. — утверждение национальности как основного принципа мироустройства и национализма как основной идеологии правящих элит в Европе и Северной Америке;
- 4) первая половина XX в. — распространение принципа национальности из Европы по всему остальному миру, в частности в Азии и Африке. В самой Европе — эскалация радикального национализма, приведшая к двум мировым войнам;
- 5) после Второй мировой войны — неясная перспектива мира национальных государств, необходимость выработки наднациональной или интернациональной программы сотрудничества.

Мы придерживаемся умеренной версии социального конструктивизма, признавая как специфику современных наций, так и их преемственность по отношению к более ранним этнонациональным образованиям.

Национальная идентичность личности определяется нами как самоотнесение личности к определенной социальной группе (группам), интерпретируемое данной личностью посредством понятия «национальность». Нация определяется нами как большая устойчивая социальная группа, связанная с определенной территорией, обладающая целостной социальной иерархией и демонстрирующая тенденцию к внутренней консолидации и внешней дифференциации культурных традиций.

Основными критериями (само)определения национальной идентичности являются следующие: национальность родителей; место рождения; место проживания в ранний период жизни; воспитание в определенной национальной традиции; место наиболее длительного проживания; признание своей национальной принадлежности со стороны других представителей этой нации; совпадение взглядов на жизнь с определенной национальной традицией; чувство эмоциональной близости к определенной нации.

Среди критериев идентичности нации основными являются следующие: общая территория проживания; общее происхождение; независимое национальное государство; сильная государственная власть; экономическая стабильность сообщества; собственные культурные, научные и образовательные центры; наличие национального языка; общение на национальном языке в различных сферах; общность основных взглядов на жизнь; история существования данной нации в прошлом; чувство национальной общности; международное признание существования данной нации.

На основании изученной литературы по теме можно сделать вывод о том, что современные исследования национальности представляют собой сформировавшуюся самостоятельную область с собственными теоретическими и методологическими наработками и собственной логикой развития, а также составить прогноз относительно тенденций развития, доминирования которых следует ожидать в данной области в обозримом будущем.

Во-первых, вероятно, продолжится наметившееся дисциплинарное расширение исследований национальности. При сохраняющейся со времен теоретического этапа значимости истории и теоретической социологии будут задействованы ресурсы социальной и культурной антропологии, социаль-

ной психологии, политологии и права, а также, разумеется, эмпирической социологии. Интересные результаты мог бы дать возврат философии, которая доминировала на первом, классическом, этапе исследований национальности, но вероятность такого развития событий, по нашему мнению, с трудом поддается оценке.

Во-вторых, можно ожидать, если не частичного вытеснения, то во всяком случае существенного дополнения исследований макросоциальной идентичности нации изучением индивидуальной национальной идентичности, а также микросоциальных процессов национальной самоидентификации. При этом образ обобщенного носителя национальной идентичности будет дифференцирован по ряду социально-демографических, а также, возможно, иных, не столь очевидных показателей.

В-третьих, традиционный вопрос о причинах, механизмах и датах возникновения нации как таковой и отдельных конкретных наций будет дополнен вопросом о позднейших трансформациях, особенно связанных с новыми национальными и постнациональными констелляциями в глобализирующемся мире. С этим может быть связано сближение исследований национальности с другими актуальными предметно ориентированными междисциплинарными областями — гендерными, постколониальными, глобализационными исследованиями.

В-четвертых, можно предположить усиление прикладной направленности исследований национальности не в формате идеологической ангажированности, что было особенно характерно для классического периода, а в виде разработки конкретных моделей решения социально значимых проблем, прежде всего, связанных с гражданством мигрантов и мультикультурализмом, с перераспределением власти между национальными государствами и новыми локальными, региональными, транснациональными и глобальными структурами. В этом плане важно не только возникновение новых норм международного права и их философских оснований, но и проведение мероприятий, направленных на интеграцию этих инноваций в культурные практики и массовое сознание.

К вопросу о критериях идентичности белорусов

Александр Тихомиров

Анализ воздействия на менталитет и идентификацию белорусов географических, антропологических, этнокультурных, этнопсихологических, экономических, политических и геополитических факторов дает основание сделать вывод о сложности и многоаспектности процесса формирования национальной идентичности белорусов.

Существенное влияние на идентификацию и самоидентификацию белорусского населения оказало пребывание белорусских земель на стыке различных цивилизаций, прежде всего, западнохристианского и восточнохристианского мира. Вхождение Беларуси в систему христианского мира началось в X в. после принятия христианского вероучения в восточной обрядности в качестве идеологической основы Киевской Руси. Однако статус межхристианского «пограничья» белорусские земли обрели в XIII в. в условиях закрепления раскола Руси после татарского нашествия и вовлечения Восточной Прибалтики в орбиту западнохристианского мира. В XX в. значимость религиозного фактора в процессе консолидации белорусов снизилась, христианское вероучение стали сменять другие идеологические конструкции, в первую очередь, теории национализма и коммунизма.

В период с IX по XX в. территория Беларуси (в ее современных границах) пребывала в составе различных государств — Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской Империи, СССР, Польши. Политика соответствующих государств накладывала отпечаток на формирование белорусской идентичности. В современной исторической науке даже дискутируется вопрос относительно аутентичности термина «Беларусь» и целесообразности его использования в качестве самоназвания белорусского государства.

Не менее важное значение для Беларуси имели военные столкновения между различными государствами, которые неоднократно происходили на ее территории. Противоборствующие стороны стремились навязать белорусам свои идеологические постулаты, формы государственно-политического устройства и т. п. Зачастую следствием вооруженных конфликтов являлась «перекройка» границ Беларуси, разделение белорусского этноса. В некоторых случаях конфликты стимулировали процесс формирования белорусского самосознания (особую значимость в этом отношении имели Первая и Вторая мировые войны), но в то же время сдерживали процесс строительства белорусского государства.

Сложность процесса формирования белорусской государственности затрудняет выработку критериев белорусской национальной идентичности. К важнейшим критериям идентичности белорусов до момента возникновения Республики Беларусь и обретения ею статуса независимого государства в 1991 г. можно отнести:

- привязку к определенной территории;
- вероисповедание;
- принадлежность к определенному социальному слою;
- ценностные установки людей.

Наиболее устойчивым из перечисленных критериев являлась привязка к определенной территории (связь с «почвой»). Именно эта связь предопределила высокую степень консерватизма белорусов, их нежелание менять установленный порядок посредством революционных изменений. Прочие критерии имели преходящее значение, хотя в некоторых случаях составляли важные сущностные черты белорусской идентичности. Крайне малую значимость в процессе исторического развития Беларуси имели языковой критерий (хотя именно его белорусская интеллигенция приняла за основу процесса формирования белорусской государственности в XX в.) и внешнеполитическая ориентация белорусского населения (как правило, оно принимало государственно-политическую форму, навязанную более сильной стороной, адаптируя внешние установки к местным условиям жизни).

(Транс)формация литовской идентичности

Линас Венцлаускас

Идентичность представляет собой довольно сложное явление. Изучая ее с исторической точки зрения, необходимо помнить, что существовало несколько этапов формирования идентичности. Литва сформировалась как централизованное государство в середине XIII в., и с этого времени мы можем говорить о литовской идентичности, основываясь на письменных источниках. Несмотря на изменение территориального статуса, заключение различных политических соглашений и т. д., литовская идентичность все же существовала. Безусловно, в феодальном обществе жители Великого княжества Литовского (ВКЛ) идентифицировали себя с разными группами, хотя территория и католицизм были для всех общим знаменателем. После того, как сформировалась правовая система ВКЛ (Статуты ВКЛ), она также стала одной из составляющих идентичности. Документы конца XVIII в. характеризуют литовцев следующим образом: литовец — это человек, который свободолюбив и уважает Статуты ВКЛ. Конечно, это определение относилось, в первую очередь, к дворянству. В общем ВКЛ было достаточно сложным и разнородным государством, некоторые историки даже называли бы его толерантным. В средние века национальность не имела такого важного значения, как религия. Доминирующим вероисповеданием в стране был католицизм (который таким и остался после Реформации), хотя и другие религии, такие как иудаизм или ислам, также можно было свободно исповедовать. С другой стороны, необходимо отметить, что отношения в обществе того периода были довольно тесными: различные группы исповедовали разные религии, но не были сильно интегрированы в общественную жизнь, за исключением самых необходимых ее сфер, например торговли, коммерции и т. д. Несмотря на свою многокультурность, многоязычие и многорелигиозность, в документальных источниках ВКЛ представлено как достаточно хорошо организованное государство.

Важные изменения произошли в XVI в., когда в стране стали распространяться идеи Возрождения и Реформации. Согласно Витаутасу Каволису, ВКЛ успешно выдержало испытание во время Реформации и Контрреформации: уже существующая идентичность была сформирована таким образом, что принятие или непринятие новых идей происходило практически безо всяких насильственных действий. С точки зрения перспектив культурного развития в этот период имел место плюрализм культурных достижений. В 1547 г. была напечатана первая литовская книга — Катехизис; с этого времени уделялось больше внимания развитию литовского языка. Однако католицизм и церковь все еще удерживали сильные позиции. Историки до сих пор спорят, позитивно или негативно повлияла на политику и стабильность страны традиция избрания короля вместо традиции наследования трона. Возможно, именно из-за этой традиции на первое место ставились приверженность территории и закону. Конституция 1791 г. была очень либеральной, ее задача заключалась в предоставлении большей свободы не только дворянству, а всем жителям ВКЛ. В любом случае процесс раздела Речи Посполитой уже был запущен, и Литва более чем на 100 лет стала частью Российской Империи.

Этот период совпал с формированием в Литве национальной идентичности. В составе Российской Империи литовцы чувствовали себя другими в трех отношениях: другие традиции, другая религия и другой язык. Последнее приобрело особую важность. Было несколько попыток охарактеризовать традиционную литовскую кухню, фольклор и т. д., однако из-за процесса культурной диффузии это оказалось нелегкой задачей. То же самое можно сказать и о религии: исторически Литва была преимущественно католической страной, в то время как в Средневековье национальность не имела большого значения (важнее было вероисповедание). Подобная структура идентичности отвечала реалиям той эпохи, но в XIX в. вызвала определенные проблемы: например, одни из главных противников литовцев — поляки — также были католиками, поэтому в данной ситуации литовцы потеряли свою уникальность и, таким образом, язык стал важнейшей чертой новой идентичности. Чеслав Милош, лауреат Нобелевской премии по литературе, определил литовскую нацию и ее идентичность как продукт филологии. Литовская нация превратилась из субъекта права в продукт филологии в XIX в. Огромное значение придавалось знанию литовского языка. В такой ситуации положение национальных меньшинств оказалось достаточно сложным: единственным возможным путем адаптации для них стал отказ от своей собственной идентичности. До того, как Литва провозгласила себя независимой, существовало несколько сценариев развития ситуации. Одно из предложений за-

ключалось в создании современной Литвы в границах бывшего ВКЛ, хотя противники данной идеи выдвигали в качестве аргумента нехватку у Литвы возможностей для осуществления этого плана: способны ли будут литовцы «олитовить» такую большую территорию. Выражаясь словами Роджера Брубейкера, первая Литовская Республика была страной, которая стремилась превратиться в нацию, создать общую литовскую идентичность, где разнообразные группы разделяют литовскую культуру и, особенно, язык.

С другой стороны, было также трансформировано толкование прошлого. Это изменение было особенно необходимо после того, как Вильно вместе с прилегающей территорией отошел к полякам. В работах литовских авторов XIX в. Вильно описывается не только как литовская историческая столица, но и как город, игнорировавший факт собственной поликультурности. Потеря Вильно была очевидным свидетельством того, что общая история Литвы и Польши должна быть пересмотрена: Люблинская уния воспринималась как начало падения Литвы. К польскоговорящей литовской знати относились как к пришельцам или, по меньшей мере, как к недостойным литовцам, которые предали или забыли свой родной язык. Кстати говоря, сельскохозяйственная реформа в Литве в 1920–1922 гг. была обусловлена не только стремлением к социальному равенству, но и желанием ослабить крупных землевладельцев, которых изображали пропольски настроенными. Один из литовских историков того времени Адольфас Шапока сформулировал свою цель следующим образом: поиск литовцев в литовской истории.

В 1939–1941 гг. при советской власти эти процессы были остановлены и предпринимались попытки замещения национальной идентичности классовой. Определенно, это была попытка изменения не только литовской идентичности, но и ментальности. Как уже было отмечено ранее, Литва находилась на стадии нациестроительства, следовательно, так называемые представители национальных меньшинств никогда не занимали высших руководящих должностей в органах общественного управления, государственных учреждениях (кроме городских муниципалитетов), армии и органах правопорядка. В довоенные годы при советской власти положение изменилось, и литовцы относились к представителям национальных меньшинств как к предателям и советским коллаборационистам. Сложившаяся ситуация также повлияла на формирование идентичности, основанной на национальности. К примеру, в памяти литовцев первые высылки в Сибирь выглядят как действия, направленные непосредственно против литовцев, хотя литовские граждане других национальностей также высылались в Сибирь. Немецкая оккупация воспринималась как шанс восстановить независимость Литвы. Однако уже после первых двух месяцев немецкой оккупации стало ясно, что восстановление независимости не входило в планы фашистов. Один из активистов того времени Йозас Бразайтис, находясь позже в ссылке, опубликовал свои мемуары, озаглавленные как «*Vienų vieni*» («Совсем один»). Название этой книги прекрасно описывает литовские настроения того периода: ощущение собственной беспомощности под контролем нацистов при одновременном советском господстве.

После окончания войны все еще существовала надежда на восстановление государственной независимости при помощи Запада. Но это тоже было иллюзией. В некотором отношении литовская идентичность была «заморожена» на этапе своего развития около 1940 г. Язык сохранил свою важность, религия (в первую очередь католицизм) стала одной из форм сопротивления. 90 % литовских евреев погибли в результате Холокоста; после войны некоторые литовские поляки и немцы воспользовались возможностью возвращения на свою историческую родину. Таким образом, литовское общество лишилось мультиэтничности и мультикультурности, не говоря уже о том, что эти явления не поощрялись советской идентичностью. Национальность, литовский язык и культура стали самыми важными факторами литовской идентичности. В годы советской власти такие черты идентичности, как верность государству и закону практически не развивались, потому что и государство, и закон воспринимались как оккупационные. Вместе с тем, новые черты литовской ментальности и идентичности проявляются именно во второй половине советского периода. В частности, некоторые утверждают, что наблюдалась большая сплоченность общества. Литовцы стали более активно поддерживать тех, кто пытался свергнуть советскую власть, вне зависимости от их национальности или вероисповедания. Например, появилось движение в защиту прав человека, которое имело литовскую специфику: одним из главных направлений движения была защита свободного выражения религиозных верований, другими словами, католицизма. В то же время в 1990-х гг. в Литве участники и ораторы массовых собраний были разных национальностей: литовцы, евреи, поляки и белорусы. В то же время начался пересмотр истории. Средневековое прошлое этому пересмотру подвергнуто не было, тем не менее, большое внимание уделялось 1939 и 1940 гг., когда Литва потеряла свою независимость. В этот период появились многочисленные публикации по данной теме, к примеру, как и раньше, использовался исторический труд Адольфаса Шапоки 1936 г., иногда даже в качестве учебного пособия в среднеобразовательных учреждениях (в советскую эпоху укреплением идентичности считалось тайное чтение этой книги).

Подводя итог, необходимо отметить, что после утраты Литвой независимости в 1940 г. главные черты литовской идентичности остались неизменными до 1990 г. (как уже было сказано, в некотором роде была «заморожена» идентичность образца 1940 г.). Вследствие этого этническая принадлежность, язык, культура и католицизм играли довольно важную роль в 1990 г. Несмотря на все произо-

шедшие изменения, литовская идентичность после 1990 г. все так же основывалась на национальных ценностях, в то время как гражданская идентичность внутри общества не развивалась. Формирование идентичности на протяжении последних 20 лет можно рассматривать с разных позиций. С институциональной точки зрения развитие было достаточно быстрым и успешным: структура законодательства, учреждений и власти была такой, что представлялись и защищались права меньшинств, право на самовыражение и т. д., однако появление новых ценностей и изменения идентичности не были такими быстрыми. В связи с этим актуальная задача заключается в дальнейшем развитии и исследовании идентичности, а также в лучшем понимании и формировании четкой позиции по данному вопросу.

Внешняя политика Литовской Республики в контексте европейской идентичности

Сима Ракутене

В современных международных отношениях идентичность стала важным аналитическим инструментом изучения сложных отношений и сотрудничества между странами. Последователи социального конструктивизма представили для обсуждения в сфере международных отношений пересмотренную концепцию идентичности, которая разработана с использованием мета-теоретического отражения и культурного и нормативного измерения (*Ashizawa, K. When identity matters: state identity, regional institutional building, and Japanese foreign policy // International studies review. — 2008. — N 10. — P. 571–598*). Формирование и трансформация идентичности, или иначе строительство и разрушение идентичности, использовались для объяснения национальных, региональных и международных проблем безопасности, а также направлений внешней политики. Эта тенденция была подхвачена и литовскими учеными (*Miniotaite, 2006; 2008; Statkus, Paulauskas, 2006*), которые изучали внешнюю политику Литвы в рамках концепции идентичности. *Dovile Jakniunaite (2007)*, используя мета-теоретический и эмпирический методы, объяснила концепцию российской идентичности и ее отношение к соседним странам.

Концепция идентичности стала очень важным аналитическим инструментом, поскольку она соединяет прошлое и будущее. Вопрос заключается в том, как прошлое влияет на текущий статус страны и на ее будущее. Идентичность используется не только для анализа внешней политики государства, но и для объяснения коллективной идентичности сообщества независимых государств, такого как Европейский союз. Таким образом, проблема идентичности и теоретическая парадигма социальных конструктивистов вступили в «борьбу» с геополитическими схемами, картами и рационализмом неореализма и другими позитивистскими теоретическими утверждениями. Одним из самых известных представителей на этом «поле битвы» является Александр Вендт, который объяснил отношения идентичности и структуру международных отношений. Однако он подвергался критике со стороны не только своих оппонентов-рационалистов, но и тех, кто был с ним «по одну сторону баррикад» — ученых, которые фокусировались на теории идентичности.

Складывается впечатление, что в анализе идентичности выделилось несколько трендов и в этом исследовательском поле не существует никаких правил. Один из способов анализа идентичности — описание истории страны, описание образования государства и выделение социальных групп, сыгравших в этом образовании наиважнейшую роль. Лин Хансен, Оле Уивер, Ивер Б. Нойманн, Ларс Трагард и Пертти Йонейми в своей коллективной монографии объясняют, как концепции идентичности, или констелляции, скандинавских стран повлияли на их интеграцию в ЕС (см.: *European integration and national identity: the challenge of the Nordic states / ed. Lene Hansen, Ole Wæver. — London; New York: Taylor&Francis, 2003*), отмечая, что евроскептицизм — общая для всех скандинавских стран черта — произрастает из идентичности. Они провели этот анализ в историческом аспекте, утверждая, что понятия «страна», «нация», «общество» и «люди» являются ключевыми, аналитической концепцией констелляции идентичности. Таким образом, данная коллективная монография является хорошим примером того, как идентичность может повлиять на современную внешнюю политику и отношение к европейским интеграционным процессам.

Цель данной статьи — объяснить место Литвы в Европейском союзе в аналитическом аспекте, который мог бы быть полезен для изучения внешней политики Литвы. Исторический аспект, обсуждение и анализ документов, тщательно структурированные интервью с аналитиками и чиновниками, а также аналитическая основа Лисбет Аджестам (2006) «Ролевая теория» и аналитические критерии внешней политики Марийке Бреунинг были использованы для аналитического анализа внешней политики Литвы. Концепция социологической ролевой теории Л. Аджестам привлекает во внимание институциональный, интеракционный и интенциональный подходы, включающие межинституциональные отношения, отношения между государствами, а также структурирует источники, которые являются такими же ресурсами для ролевой концепции, как идентичность и интересы (рис. 1).

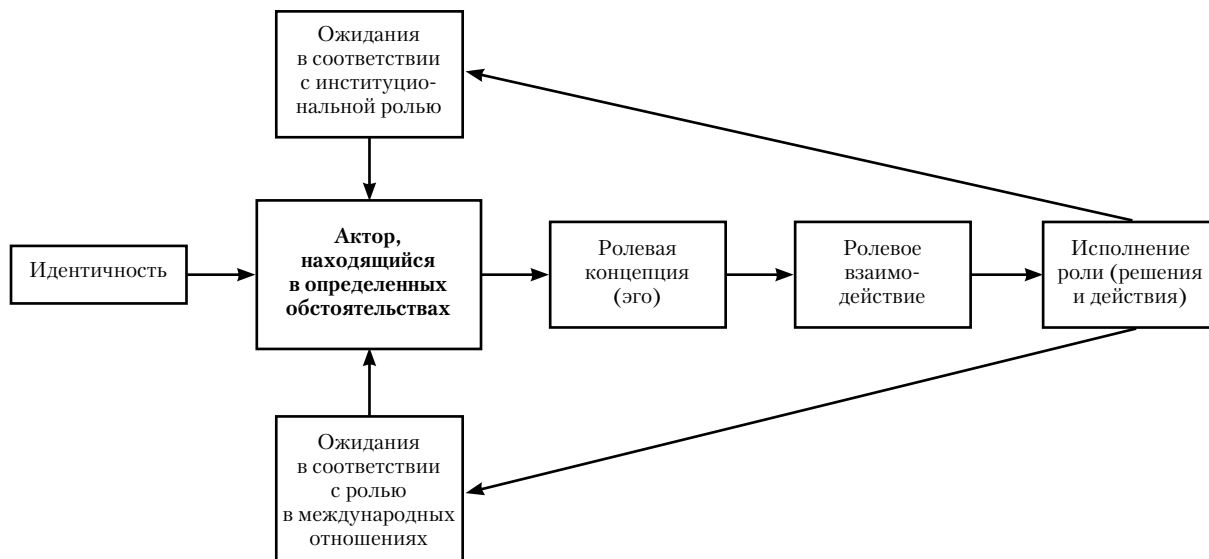

Рис. 1. Аналитическая основа для ролевого анализа Л. Аджестам

Источники: Aggestam, L. Role theory and European foreign policy: a framework of analysis / L. Aggestam // The European Union's roles in international practices: concepts and analysis / ed. O. Elgstrom, M. Smith. — London; New York: Taylor & Francis, 2006. — P. 11–26.

Идентичность очень важна, так как «роль отражает... концепцию идентичности». Л. Аджестам также использует утверждение Холсти, что «ролевая концепция... является продуктом социализации нации, который подвергается влиянию ее истории, культуры социальных особенностей» (см.: Aggestam, L. *Op. cit.*). Такие подходы помогают структурировать эмпирические данные и проанализировать роль Литвы, изменение этой роли в будущем; аспект социализации (внутри структур ЕС), а также то, как Литва использует коллективную европейскую идентичность, как это сочетается с текущим вектором ее внешней политики (см. таблицу), стало ли это частью нашей идентичности. Целью исследования являются ответы на эти вопросы.

Направления внешней политики Литвы

Период	Концепция внешней политики
1991–2004 гг.	Участие в ЕС и НАТО. Хорошие отношения с соседними государствами. Ориентация на западноевропейское сообщество.
2004–2009 гг.	Демократизация соседних стран в Восточной Европе. Роль регионального лидера. Ориентация на Центральную и Восточную Европу.
2009—настоящее время	Баланс в отношениях с Востоком и Западом. Политика, основанная на национальных интересах. Ориентация на страны Прибалтики и Скандинавии.

Так же, как и у Л. Аджестам, существенный элемент признания «другими» принят во внимание М. Бреунинг. Она предлагает проводить анализ принятых «главами» решений и причин этих решений, направлений их действий в контексте внутренних и внешних обстоятельств, подобно Л. Аджестам, рассматривает межинституциональные и интеракционные аспекты. Эти критерии полезны для сравнения внешнеполитических решений, принятых президентом Литовской Республики с учетом внутренней и внешней ситуации. Стратегии внешней политики, такие как построение стратегического партнерства, персонализация внешней политики, результаты литовского участия в Европейском союзе, также будут проанализированы и сравнены. Вопрос идентичности — важный источник для анализа внешней политики в рамках политического обсуждения, сравнения того, как президенты рассматривают вопрос идентичности в рамках внешней политики и как европейская идентичность связана с концепцией нашей внешней политики и определением своей роли.

Понятие европейской идентичности имеет также несколько источников и значений, однако это означает быть частью Евросоюза, интегрированным, демократичным, сторонником и реализатором норм права и прав человека. Наднациональные институты также стали общей чертой европейской идентичности, они очень важны, так как оказывают существенное влияние на формирование

европейской идентичности. Как определила Хелен Сьюрсен (*Sjursen, H. Values or rights? Alternative conceptions of the EU's normative power / H. Sjursen // The European Union's roles in international practices: concepts and analysis / ed. O. Elgstrom, M. Smith. – London; New York: Taylor&Francis, 2006. – P. 85–100*): «наднационализм определен как договоренность о взаимных (связанных с возможностью применения санкций) обязательствах между акторами. Эти институты взаимных обязательств понадобятся для обеспечения коллективных действий, которые помогут устранить мотивы, побуждающие страны не считаться с общими правилами. Они будут применять штрафные санкции в случае несоблюдения правил; следовательно, экономически выгоднее действовать соответственным образом. Без взаимных обязательных правил всегда существует риск, что некоторые участники отдают больше, чем получают (в то время как другие существуют за их счет). Чтобы избежать таких рисков, необходимо устанавливать общие для всех правила».

Европейский союз обычно описывается как нормативная, этическая или гражданская сила. Э. Барб и Э. Йоханссон-Ногес проанализировали идею ЕС как «умеренную силу во имя добра» в рамках общей европейской политики (рис. 2).

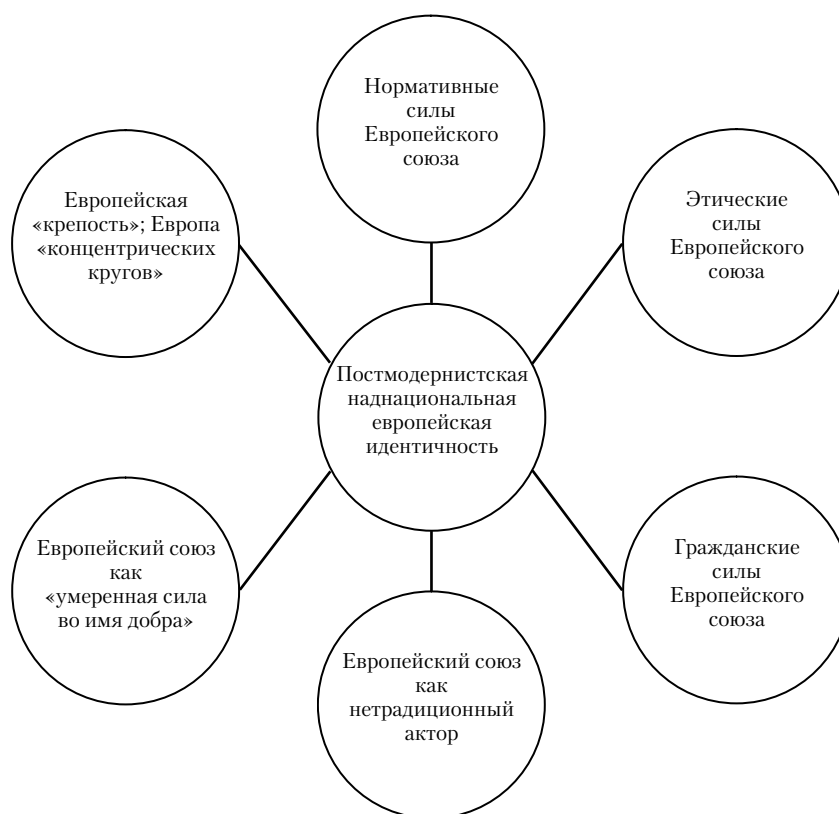

Рис. 2. Понятия/концепции, использованные для описания сущности и идентичности Европейского союза

Следовательно, вопрос состоит в том, чтобы определить, какая из концепций используется литовскими политиками, почему и каким образом они включают, объединяют, интерпретируют ее, а также какие обстоятельства и социальные условия сопутствуют этому.